

Лорн Тепперман
Патриция Альбанезе
Саша Старк
Надин Залан

Эффект Достоевского

Детство
и игровая
зависимость

Современная
западная
руссистика

Филология

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Лорн Тепперман

**Эффект Достоевского.
Детство и игровая зависимость**

«Библиороссика»

2009

УДК 616.89:82+616.89:929+821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)52+83.3стд1-8+88.742

Тепперман Л.

Эффект Достоевского. Детство и игровая зависимость /
Л. Тепперман — «Библиороссика», 2009 — («Современная
западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6044208-3-6

Сравнивая жизнь Достоевского с опытом современных игроков, социологи обнаружили то, что они назвали «эффектом Достоевского». Авторы на примере великого русского писателя показывают, что причиной игровой зависимости зачастую оказывается не наследственная предрасположенность, а социальные факторы, такие как детские травмы и плохая способность справляться со стрессом во взрослой жизни. Книга предлагает новое понимание жизни и творчества Достоевского и проводит удивительные параллели его биографии и историй других игроков, стирая зачастую неуловимую грань между фактами и литературным вымыслом. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 616.89:82+616.89:929+821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)52+83.3стд1-8+88.742

ISBN 978-5-6044208-3-6

© Тепперман Л., 2009
© Библиороссика, 2009

Содержание

Благодарности	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Краткая биография Ф. М. Достоевского	12
Достоевский: биография игрока	18
Семья и детство	18
Детские травмы	22
Стрессовые ситуации во взрослой жизни	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Лорн Тепперман, Патриция
Альбанезе, Саша Старк, Надин Залан
Эффект Достоевского.
Детство и игровая зависимость**

Lome Tepperman, Patrizia Albanese, Sasha Stark, Nadine Zahlan

The Dostoevsky Effect
Childhood and Problem Gambling

Indiana University Press
2005

Перевод с английского Марии Быковой

© Lome Tepperman, Patrizia Albanese,
Sasha Stark, Nadine Zahlan, text, 2005
© Indiana University Press, 2005
© М. А. Быкова, перевод с английского, 2022
© Academic Studies Press, 2022
© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2022

Благодарности

Мы в долгу перед множеством трудолюбивых людей, сыгравших важную роль на различных этапах создания этой книги. Прежде всего мы хотим поблагодарить Центр исследования игромании Онтарио (OPGRC), который финансировал нашу работу в рамках проекта по «передаче знаний». Большая часть исследований, на которые мы опирались при создании этой книги, проводилась в Онтарио при многолетней поддержке центра OPGRC. Как и многие другие исследователи азартных игр, мы не смогли бы добиться подобного результата без его щедрой поддержки и руководства. Итак, спасибо сотрудникам центра OPGRC, а именно исполняющей обязанности директора Джудит Глинн и Эрике Вери Леветт, которая занималась распределением грантов. Мы надеемся на продолжение отношений с OPGRC при новом директоре Гэри О'Конноре.

Мы также благодарим Кэрол Бейкер Лэй и Риту Лэм за расклейку в центре Торонто наших объявлений о наборе персонала. Нам повезло, что проведением интервью занимались замечательные интервьюеры: Кэрол Бейкер Лэй, Кристин Крэндлмайр, Хиллари Киллэм, Рита Лэм, Эме Найгаард, Адрианна Робертсон, Раджвант Сандху, Алекс Тепперман, Марк ван дер Маас и Стейси Джин Уэйнрайт.

Хочется отметить работу студентов, которые расшифровали интервью: Кэрол Бейкер Лэй, Кристин Крэндлмайр, Анита Феер, Ясмин Кортрайт, Мишель Куан, Сьюзен Кван, Рита Лэм, Ричард Лю, Афшин Мерчант, Уриэль Философ, Адрианна Робертсон, Дейрдре Райан, Раджвант Сандху, Брианна Сайкс, Алекс Тепперман, Лора Апениекс, Стейси Джин Уэйнрайт и Хурса Язди. Нина Гейхман, Брианна Сайкс и Ребекка Янг провели контент-анализ мемуаров и интернет-публикаций. Пэм Баутиста, Олеся Биссетт, Кристин Крэндлмайр, Кара Эванс, Анита Феер, Оливер Луэ, Лаура Меркуриано, Дейрдре Райан, Дженна Валлериани и Марк ван дер Маас отвечали за качественный анализ транскриптов. Мы благодарим Стивена Хэма за помощь в управлении данными и Агату Фальковски-Хэм за проведение количественного анализа данных.

Кейтлин Хэмблин оказала огромную помощь в изучении биографических материалов о Достоевском, которые составляют первую треть книги. Никки Мередит и Дейрдре Райан помогли превратить наш первоначальный отчет об исследовании – остальные две трети этой книги – в читабельный черновик.

Наконец, мы благодарим всех тех коллег, которые предоставили критические отзывы на раннюю версию этой рукописи: Пэт Эриксон, Тару Хаманн, Кейт Холланд, Ситце Ф. Кингму, Ричарда Розенталя, Гарри Смита, Марка ван дер Мааса и Кристи Ваннер. Особую благодарность хочется выразить всемирно известному исследователю азартных игр Алексу Блащински за советы и поддержку, а также всемирно известному эксперту по Достоевскому Кеннету Ланцу за подробный критический разбор биографического материала.

Наконец, мы благодарим Дэвида Стовера, президента издательства Oxford University Press (Канада), который всецело поддерживал нашу работу и внес десятки ценных предложений по усовершенствованию этой рукописи. Будучи опытным редактором, Дэвид заметил немало важных стилистических нюансов, на которые мы не обратили внимания. Поэтому, Дэвид, спасибо вам за все! Кроме того, мы хотели бы поблагодарить и другого нашего редактора – Хизер Сангстер из Strong Finish. С Хизер всегда приятно работать, и она всегда неизменно улучшала рукопись.

Часть первая

Азартные игры в жизни Достоевского

Глава 1

Достоевский: предисловие к биографии

Простой вопрос для любителей литературы: кто из двух знаменитых писателей XIX века – Джейн Остин или Ф. М. Достоевский – страдал от тяжелой игровой зависимости? Несложно догадаться, что речь идет о Достоевском (1821–1881).

Чтобы хоть немного понять книги этих авторов, необходимо глубоко погрузиться в их жизнь – в особенности в детские годы. Если из-под пера Остин никогда бы не вышли «Братья Карамазовы», а Достоевский никогда бы не написал «Гордость и предубеждение», на это были причины биографического и психологического характера.

Обратимся, например, к образу отца в творчестве обоих писателей. В книгах Остин отец – например, мистер Беннет из «Гордости и предубеждения» – поддерживает своих детей, относится к ним с теплом и добротой. У Достоевского отцовская фигура выглядит совершенно иначе, и далее мы рассмотрим почему. Действительно, отцы и мужчины в целом в произведениях Достоевского чаще ведут себя жестоко, холодно и отстраненно. С особенно едким презрением Достоевский относится к таким мужчинам, как Степан Трофимович («Бесы»), – напыщенным, властным и *тщеславным* (Достоевский охотно использует это слово в качестве уничижительной характеристики).

Знание того, как прошли ранние годы жизни Остин и Достоевского, позволяет понять, насколько каждый из них в будущем рисковал стать жертвой тяжелой зависимости. Особенно важно обратить внимание на их подход к отображению семейной жизни и фигуры отца в своих произведениях. Именно об этом пойдет речь в настоящей книге. Основное внимание мы уделим проблеме зависимостей у Достоевского.

История его игровой зависимости началась в 1862 году и закончилась в 1871 году, продолжившись, таким образом, почти десять лет – значительную часть взрослой жизни писателя. Эта сторона биографии Достоевского настолько известна, что в 2005–2006 годах его портрет появился на российских лотерейных билетах. Правнук писателя Дмитрий Достоевский подал на государственную спортивную лотерею в суд. В беседе с ведущей радио NPR Мелиссой Блок Дмитрий подчеркнул, что не считает решение организаторов лотереи проявлением уважения к памяти его великого предка. «Воздаянием чести Достоевскому было бы построить больше библиотек имени Достоевского или, может быть, организовать какие-то благотворительные мероприятия имени Достоевского. Это было бы достойно. Но не помещать его портрет на лотерейные билеты» [Dostoevsky D. 2005].

Несмотря на его личные недостатки, ценители большой литературы по-прежнему любят и уважают Достоевского. Возможно, наибольшей популярностью он пользуется среди русских читателей. В своей рецензии на роман «Лето в Бадене», главным героем которого является Достоевский, Юджин Гудхарт отмечает, что автор книги Леонид Цыпкин «одержим Достоевским»:

Саморазрушительные эмоции и поступки Достоевского определили форму и энергию его книг. <...> То, что должно было умерить страсть Цыпкина к Достоевскому, парадоксальным и даже неестественным образом

лишь делает ее сильнее: игровая зависимость, жгучий антисемитизм, сложные отношения с друзьями и, в особенности, с женой [Goodheart 2004: 301].

Ему вторит Десмонд О'Трэйди, утверждающий, что даже век спустя

...в Санкт-Петербурге <...> чувствуется, что Достоевский жив, причем не только в библиотеках и книжных магазинах, но и в тех жителях, кто в коммунистические времена благодаря его книгам обратился к христианству. <...> Разумеется, романы Достоевского во многом близки его соотечественникам, хоть он и умер сто лет назад. Те ужасы, с которыми он столкнулся во времена Российской империи, хорошо знакомы людям, жившим при Сталине и его преемниках [O'Grady 1994: 6].

Сегодня Достоевского читают во всем мире – не ради его религиозных или политических воззрений, но благодаря его глубокому пониманию психологии и социологии. И все же толчком к созданию книги, которую вы держите в руках, послужило не восхищение его литературным мастерством. Рассматривая эту тему, мы преследуем иные цели. Замысел этой книги возник во время изучения того, как наследуется *игровая зависимость* – проблема, также известная как игромания, лудомания или патологическое влечение к азартным играм.

В ходе исследования мы стремились измерить и объяснить феномен наследования игровой зависимости и понять механизмы, посредством которых эта проблема передается из поколения в поколение. Понемногу стало очевидно, что передается она далеко не всегда, однако понять ситуацию несложно. Генетически склонность к патологическому игровому поведению легко переходит от родителей к детям (впрочем, этот фактор играет незначительную роль). Кроме того, родители выстраивают определенную модель и поощряют определенное поведение (и этот фактор гораздо важнее): семья ведет образ жизни, способствующий возникновению игровой зависимости, и об этом также пойдет речь в настоящей книге.

Неудивительно, что дети патологических игроков с гораздо большей вероятностью сами рискуют обзавестись игровой зависимостью, чем дети тех, кто играет мало или не играет вообще! Та же логика применима и в обратном направлении: если родители не играют в азартные игры, есть большая вероятность, что их дети во взрослой жизни не заинтересуются азартными играми или будут играть умеренно.

Но в нашем исследовании встречаются и другие случаи – более интересные и даже сбивающие с толку. Речь идет о детях патологических игроков, у которых не вырабатывается игровой зависимости, и о детях, выросших в обычных семьях, но которые сами становятся патологическими игроками. Как нам объяснить последний феномен – людей, чья игровая зависимость возникает словно бы ниоткуда? Данный вопрос и привел нас в конечном итоге к биографии Достоевского: ведь этот великий русский писатель XIX века не только писал об игровой зависимости – на протяжении значительной части взрослой жизни он сам был патологическим игроком.

Чем больше мы узнавали о подобных «нестандартных» случаях, тем интереснее было понять природу ненаследуемых факторов, из-за которых у Достоевского возникла игровая зависимость. В настоящем исследовании мы называем эту комбинацию факторов «эффектом Достоевского». Как станет очевидно из последующих глав, чтобы объяснить игроманию Достоевского – а возможно, и его литературные труды, – необходимо начать с изучения длинной и насыщенной биографии писателя. Это значит, что следует изучить его детские травмы и проблемы, с которыми он столкнулся во взрослой жизни, а также неудачные попытки их преодолеть.

Изучая поведение местных жителей, страдающих от игровой зависимости, мы быстро обнаружили проявления так называемого «эффекта Достоевского». Игровая зависимость не возникает сама по себе – это справедливо и для Достоевского, и для современных игроков. У

многих участников нашего исследования прослеживается та же комбинация детских травм и взрослых проблем, что у Достоевского. Отсюда наше предположение: возможно, изучение его биографии поможет выяснить нечто полезное об игромании. В то же время анализ поведения современных игроков может помочь по-новому взглянуть на Достоевского.

Несколько забегаая вперед, отметим один факт, который удалось выявить путем такого сравнения: патологический игрок, отмеченный писательским талантом, способен придать блеск даже собственной зависимости. Для нас Достоевский в 1862–1870 годах – это всего лишь игроман, который, однако, обладает феноменальной способностью добывать из шлама своей зависимости золото прозы и экзистенциальной философии. Что же касается современных игроманов из Торонто, то они тоже являются рабами своей привычки, но, в отличие от Достоевского, им не хватает таланта, чтобы использовать ее как материал для романа.

Человеку, страдающему от зависимости, всегда хочется облагородить или даже романтизировать свое патологическое поведение. Рано или поздно так поступает каждый игроман, однако мало кому удастся выйти на уровень, заданный Достоевским в романе «Игрок». Возможно, это наблюдение покажется особенно интересным для современных читателей этой книги – а также для психотерапевтов, которые часами выслушивают приукрашенные, но гораздо менее изящные объяснения от своих пациентов.

В какой-то момент мы осознали, что наш подход в точности соответствует тому, к чему призывал великий социолог Чарльз Райт Миллс в своем классическом труде «Социологическое воображение» [Mills 1959]. С точки зрения Миллса, смысл социологии состоит именно в создании связей между незначительными событиями и большими структурами, между личными сложностями и общественными проблемами и (в конечном итоге) между биографией отдельного человека и историей человечества. В конце концов, что есть общество, если не совокупная биография всех, кто в нем живет? И вместе с тем – что есть отдельная биография, если не рассказ о том, как человек проживает свою жизнь в ограниченных (или структурированных) условиях конкретного общества в конкретную историческую эпоху?

Короче говоря, в хорошем социологическом исследовании нужно изобретательно использовать сравнения и метафоры – а также системный анализ данных, – чтобы понимать, как функционируют люди, отдельные сообщества и общества в целом. Способны ли мы таким образом увидеть и понять то, чего раньше не видели и не понимали? Ответ на этот вопрос и определяет качество исследования.

Итак, в настоящей книге, какой бы короткой она ни была, мы проводим параллель между игровой зависимостью у Достоевского и у современных жителей Торонто, опираясь на методы сравнения и социологического воображения. Мы полагаем, что наша книга способствует более глубокому пониманию обеих тем и, таким образом, окажется интересной как для любителей Достоевского, так и для тех, кто занимается проблемами современной игромании. Но в то же время она носит чисто исследовательский характер. Наша работа не является внушительным вкладом в достоевистику, основанную на анализе вновь обнаруженных источников XIX века, и не претендует на то, чтобы сказать последнее слово в дискуссии о причинах патологического игрового поведения – идет ли речь о России XIX века или о Канаде XXI века. Все, что мы хотим сказать: наше исследование намечает новые направления для изучения игрового поведения и творчества Достоевского.

Начнем с двух предупреждений.

Предупреждение первое: читателю предстоит столкнуться с обширным обсуждением теории Зигмунда Фрейда относительно игровой зависимости у Достоевского. Эти фрагменты, возможно, окажутся длиннее, чем можно было бы ожидать, поскольку современная социология большей частью отказывается от фрейдистского анализа. Тем не менее у нас были три важные причины воздать Фрейду должное. Во-первых, Фрейд уделял большое внимание важности детской травмы при развитии поведенческих проблем – таких как игровая зависимость –

во взрослом возрасте, и мы придерживаемся той же позиции. Во-вторых, Фрейд стал первым ученым, разработавшим теорию о происхождении игровой зависимости, и эта теория продолжала влиять на умы психотерапевтов на протяжении всего XX века. В-третьих, Достоевский был известным игроманом. Проблема игромании у него приобрела такой масштаб, что отец психоанализа сделал попытку объяснить ее в одном из своих аналитических эссе – «Достоевский и отцеубийство». Даже сегодня невозможно обсуждать игровое поведение Достоевского, не ссылаясь на классическое эссе Фрейда. Мы не во всем согласны с его выкладками, однако нельзя сделать вид, словно их не существует. Этому эссе все еще принадлежит особое место в истории лечения зависимостей и развития научной мысли в XX веке.

Предупреждение второе: наша книга рассчитана не только на ученых-социологов, но и на широкую публику. Поэтому мы отказались от традиционного академического подхода, требующего немедленно указать полный список справочной литературы по альтернативным теориям. Такой подход, ставящий литературу во главу угла, пользуется уважением (и вполне заслуженным) в профессиональных журналах, однако зачастую отпугивает неподготовленного читателя. Поэтому, чтобы удержать его внимание, мы решили выбрать форму изложения, которая постепенно становится сложнее и сложнее, пока, наконец, у нас не останется другого выбора, кроме как представить обзор теоретической литературы, – и это чудесным образом все упрощает. Вот почему отсылки к научным работам разбросаны по всей книге.

Итак, давайте начнем с начала. Федор Михайлович Достоевский был одним из наиболее выдающихся писателей XIX века. Кроме того, он по-прежнему считается одним из лучших авторов мировой литературы, писавших об игровой зависимости, и самым известным игроманом среди писателей. Мы стремимся доказать, что биография Достоевского может пролить свет на проблему его игровой зависимости и вместе с тем прояснить некоторые важные вопросы, связанные с поведением современных игроманов.

Во многих отношениях наше исследование подтверждает ценность «модели различных путей», разработанной Алексом Блашински и Лией Науэр в рамках изучения игромании [Blaszczynski, Nower 2002]. В соответствии с этой моделью мы обнаружили, что некоторые люди – «игроки с заданным поведением» – приобретают игровую зависимость в ходе социальной адаптации. Подобная схема в особенности ярко проявляется у тех, кто получает игроманию «по наследству» от родителей. Кроме того, мы выяснили (опять же, в соответствии с моделью Блашински и Науэр), что игроманы другой категории – «эмоционально уязвимые игроки» – часто страдают тревожными расстройствами, депрессией, последствиями семейных травм и наркотическими зависимостями. Для игроков такого типа, как и для Достоевского, игры становятся убежищем от постоянного стресса, поскольку им не хватает самоконтроля и эффективных копинг-стратегий.

Едва ли можно утверждать, что Достоевский подпадает под третью, самую непростую категорию патологических игроков, по Блашински и Науэр, – это диссоциативные импульсивные игроки, которым свойственна не только уязвимость и склонность играть, когда есть такая возможность, но и нехватка волевого контроля на фоне заметных диссоциативных тенденций. В биографии Достоевского прослеживаются некоторые черты этого типа – при желании читатель может сам сопоставить факты. Однако вряд ли человек, имеющий значительные проблемы в сфере волевого контроля, смог бы провести всю жизнь за письменным столом, вглядываясь в себя и создавая огромные романы, посвященные тончайшим нюансам человеческой психики. Кроме того, игровая зависимость Достоевского продлилась всего десять лет: это заставляет предположить, что в его случае можно говорить о несколько менее выраженной психологической патологии.

Однако, в отличие от Блашински и Науэр, а также других психологов, изучавших проблемное игровое поведение, мы сконцентрировались на долгосрочном исследовании и уделили особое внимание *социальному контексту*. Под этим подразумеваются социальные, культур-

ные и исторические условия, в которых живет человек с развивающейся игровой зависимостью. Для создания правдоподобной теории, объясняющей возникновение игромании, необходимо проанализировать роль игр в том или ином обществе. В то же время нельзя игнорировать методы, к которым игрок прибегал в прошлом, чтобы справиться со стрессом. Игромания – это не та проблема, которую можно объяснить с помощью лабораторных экспериментов, вырванных из контекста, или коротких наблюдений без связи с историческими факторами. В каждый конкретный момент человек выбирает определенный метод борьбы со стрессом, и этот метод – как мы не раз увидим на примере Достоевского – отражает его текущие потребности и прежние неудачные попытки выйти из подобных ситуаций.

Как уже сказано выше, в своей книге мы стараемся ответить на два главных вопроса. Во-первых, как биография Достоевского, русского писателя XIX века, может помочь в изучении патологического (или компульсивного) игрового поведения жителей современной Канады? Во-вторых, что мы можем узнать о жизни Достоевского, изучая проблемы современных канадских игроков?

Игромания Достоевского пользовалась большим вниманием у ранних исследователей обсессивного и невротического поведения. Отчасти причиной этому стало упомянутое выше эссе Фрейда. Мы придерживаемся диаметрально противоположного подхода к изучению игровой зависимости – а именно предлагаем социальную интерпретацию, которая нам кажется более убедительной. Отсюда вытекает еще одна задача нашей книги: бросить вызов фрейдистскому, психоаналитическому подходу к проблеме игромании.

При этом имеется один важный пункт, где наша точка зрения сходится с фрейдистской: речь идет о роли детской травмы в формировании игровой зависимости. Как и Фрейд, мы полагаем, что корни проблемного игрового поведения уходят глубоко в прошлое. Однако, в отличие от Фрейда, мы не подразумеваем обязательного сексуального компонента. Вместе с тем мы оспариваем точку зрения, доминирующую в современной психологии, согласно которой игровая зависимость большей частью является результатом когнитивного нарушения – либо нарушения восприятия – и потому должна лечиться средствами когнитивной терапии.

С точки зрения некоторых исследователей, мало кому удалось настолько подробно обрисовать и задокументировать собственные травмы, как Достоевскому. Критик Александр Берри отмечает в статье, посвященной роману «Идиот»:

В жизни и творчестве Достоевского травма повсюду, и потому он исследовал этот феномен внимательнее, чем какой бы то ни было другой писатель. Его творческая манера формировалась под влиянием тяжелейших факторов: ссылка в Сибирь, изнурительные приступы эпилепсии, десятилетняя игровая зависимость и смерть двоих детей. Литературный труд обернулся терапией, помогая ему примириться с этими испытаниями, и в то же время открыл ему глаза на сущность травматических процессов [Burry 2010:255].

Кто-то может сказать, что слово «травма» слишком сильное, чтобы использовать его для описания жизни Достоевского – особенно в детстве. Но даже самый сдержанный человек согласится, что его жизнь была нелегкой. Известный специалист по творчеству Достоевского Кеннет Ланц (2012, личная беседа) отмечает, что Достоевский мало рассказывал о своих детских годах. Кажется, ему нравилось приезжать на лето в усадьбу Даровое, где он мог бродить по лесу и играть с крестьянскими детьми. В Москве его жизнь была организована в соответствии с волей отца. Более того, в больнице для бедных, где работал его отец, ему наверняка пришлось увидеть и пережить многое.

Как уже говорилось, у Достоевского была тяжелая игровая зависимость. В романе «Игрок» он излагает собственную теорию о том, откуда она взялась. По Достоевскому, страсть

к игре – это способ поспорить с судьбой, защитить свою свободу и свободную волю. Если в других его романах герои ради этого примыкают к радикальным политическим движениям, совершают убийство или самоубийство, то в «Игроке» они делают рискованные ставки. Бросая вызов судьбе, игрок словно бы чувствует себя более живым – всякий раз, пока ждет, как выпадут кости.

Мы не поддерживаем эту теорию, которой Достоевский объясняет собственную игровую зависимость. В частности, мы не считаем, что большинство патологических игроков осмысленно бросают вызов судьбе. Возможно, им нравится рисковать, но едва ли они исповедуют настолько глубокий философский подход. И все же теория Достоевского представляет интерес, поскольку помогает нам лучше понять его роман и показывает один из способов, как патологический игрок может рационализировать свою игроманию.

Итак, в настоящей книге нам предстоит рассмотреть множество различных вопросов с различных точек зрения, и хотя наше исследование начинается с Достоевского, им оно не заканчивается. Сначала мы изучим жизнь Достоевского и попытаемся отыскать вероятные истоки его игромании с учетом того, что до определенного момента он почти не сталкивался с играми. Далее мы обратимся к жизни современных патологических игроков, чтобы понять, каким образом их истории помогают нам глубже исследовать природу игровой зависимости – как у Достоевского, так и в целом.

Наконец, мы представим новый взгляд на истоки игромании и объясним роль так называемого «эффекта Достоевского». В центре нашего внимания – патологическая страсть к игре, которую подпитывают четыре силы: во-первых, детская травма, во-вторых, стресс во взрослой жизни, в-третьих, психическое заболевание, и в-четвертых, неудачные копинг-стратегии. Во второй части данной книги мы подробнее рассмотрим эти идеи, а также их связь с существующей литературой.

В целом мы полагаем, что игровая зависимость возникает, когда человек сталкивается во взрослой жизни со стрессом, пробуждающим воспоминания о травматичном детском опыте. Эти воспоминания, поднимающиеся на поверхность, приводят к беспокойству и депрессии, от которых человек пытается избавиться. В отсутствие положительных и здоровых альтернатив решением становится игромания, позволяющая на время укрыться от проблем. Кроме того, существуют дополнительные факторы, формирующие патологическую страсть к игре: потребность в деньгах и доступность игорных заведений.

Как станет видно в последующих главах, многие проинтервьюированные нами игроки похожи на Достоевского – их игровая зависимость возникла тем же путем, что и у него. Однако в их жизни имеются и другие факторы, которых у Достоевского не было. Например, некоторые из них познакомились с играми еще в детстве, росли с родителями-игроками или имели больше возможностей играть, поскольку игры оказались более доступными. Эти факторы также анализируются в нашем исследовании.

Ну что ж, для начала давайте рассмотрим в общих чертах биографию Достоевского. По ходу книги мы будем не раз к этому возвращаться.

Краткая биография Ф. М. Достоевского

Жизнь Достоевского неоднократно становилась предметом тщательных исследований, поэтому в том, что касается конкретных фактов, практически нет места разногласиям и сомнениям. Вопрос лишь в том, какое значение тот или иной биограф придает отдельным событиям из жизни писателя. Различные исследователи оценивают факты по-разному, стремясь вывести мораль или заострить внимание на определенных аспектах его личности и творчества. Мы, разумеется, обращаем особое внимание на те факты, которые необходимы для понимания «эффекта Достоевского» и его влияния на формирование игровой зависимости.

В отношении биографической информации мы в основном полагаемся на три источника. Первый – это знаменитая биография Достоевского в пяти томах, составленная Джозефом Фрэнком. Первый том вышел в 1979 году, последний – в 2002 году [Frank 1979; Frank 1987; Frank 1988; Frank 1995; Frank 2002]. В 2010 году издательство Princeton University Press напечатало сокращенную версию-однотомник под названием «Достоевский: писатель своего времени» [Frank 2010]. Вторым источником нам послужила работа российского достоевоведа К. В. Мочульского, опубликованная в 1947 году на русском языке, а в 1967 году – на английском [Мочульский 1947; Mochulsky 1967]. Третьим источником стала всеобъемлющая «Энциклопедия Достоевского» Кеннета Ланца, вышедшая из печати в 2004 году [Lantz 2004].

В работе Джозефа Фрэнка содержатся ценные сведения, позволяющие воссоздать литературный и культурный контекст биографии Достоевского. С точки зрения Фрэнка, художественное наследие писателя воплощает в себе все смятение, царившее в российской культурной и интеллектуальной среде XIX века. Мочульский выстраивает психологический контекст; для него книги Достоевского становятся выражением внутренней интеллектуально-психологической эволюции писателя. В «Энциклопедии Достоевского» можно обнаружить редкие подробности относительно фоновых персонажей и событий в жизни Достоевского, при этом автор не искажает общую смысловую картину. Информацию, полученную из этих трех работ, мы дополнили сведениями из других источников.

Достоевский был сыном врача, и его детство прошло в разных местах, в том числе и в загородном имении. В поведении его отца прослеживаются различные признаки психического нездоровья, в том числе и алкоголизм. Он жестоко обращался с маленьким Федей, его братьями и сестрами. Сам Достоевский на протяжении всей жизни испытывал к отцу двойственные чувства, но очень любил мать, которая умерла, когда ему исполнилось 16.

Современный исследователь Достоевского Томас Марулло (2021, личная беседа) подвергает сомнению устоявшуюся точку зрения относительно Михаила Андреевича Достоевского. Заново анализируя дневники и мемуары, Марулло приходит к выводу, что тот был хорошим отцом, заботился о детях и проявлял не больше строгости, чем было принято. Если это действительно так, то возможно, что предыдущие исследователи подпали под влияние Фрейда. Разумеется, Фрейд рассматривал Достоевского сквозь призму собственной теории об эдиповом комплексе. Но он был не одинок: на протяжении более чем столетия различные авторы анализировали книги Достоевского и приводили аргументы против его отца, приходя к тем же выводам, что и Фрейд. На сегодняшний момент можно сказать, что вопрос о роли М. А. Достоевского в жизни (и творчестве) его сына по-прежнему открыт для дискуссий. Мы, со своей стороны, придерживаемся доминирующей точки зрения и полагаем, что свидетельства говорят против отца.

Изначально нас интересовала наследственность, и хотя в этой книге о ней упоминается нечасто, она внесла свою небольшую, но важную лепту в те кризисы, с которыми столкнулся Достоевский. Он унаследовал от отца раздражительный («нервный») темперамент и эпилепсию. Двоих из детей – Федора-младшего и Любовь – отличала избыточная возбудимость и раздражительность, в то время как брат писателя Николай унаследовал от отца тягу к алкоголю. Нет никаких данных о том, чтобы у других братьев и сестер Достоевского – Михаила, Андрея, Варвары и Веры – проявлялись невротические заболевания или алкогольная зависимость. То же самое можно сказать и об их супругах. Другие дети Достоевского – его родной сын Алексей и пасынок Павел – тоже не сталкивались с этими проблемами. Сообщается, что у Алексея иногда случались приступы конвульсий, однако он прожил спокойную и успешную жизнь и стал инженером.

Насколько нам известно, в семье Достоевского не было игроков. Никто из предков, братьев, сестер и детей писателя не страдал от игровой зависимости. Следовательно, истоки его игромании нужно искать в другом месте. Этот поиск и составляет одну из целей нашего исследова-

дования. Однако отметим, что отец Достоевского действительно злоупотреблял алкоголем, и поскольку будущий писатель уже в раннем детстве столкнулся с проявлениями патологической зависимости у одного из родителей – пусть и зависимости другого типа, – это, возможно, сыграло важную роль в развитии его игромании. В дальнейшем мы постараемся показать, что для людей, страдающих от депрессии и тревожного расстройства, алкоголь и игра могут стать альтернативными копинг-стратегиями.

Как отмечает психиатр Ричард Розенталь:

Есть точка зрения, что его игромания была вызвана, прежде всего, причинами генетического характера. <...> По меньшей мере пятеро его родственников первой степени родства на протяжении трех поколений были алкоголиками. Принято считать, что между этими двумя расстройствами существует генетическая связь. [Отметим также] его импульсивность, эмоциональную неустойчивость и эпилепсию – признаки, заставляющие с большой долей вероятности предположить генетическую, семейную предрасположенность к игромании. И, [учитывая] все стрессовые ситуации, с которыми он столкнулся, стоит рассмотреть следующую вероятность: возможно, он сам провоцировал некоторые такие ситуации по психологическим причинам (2012, личная беседа).

В ранней юности Достоевский отказался от карьеры инженера, которую выбрал для него отец, и вошел в художественные, артистические и радикально-политические круги. В результате он оказался на каторге в Сибири. После заключения и обязательной военной службы он женился и попытался зарабатывать литературным трудом. Однако почти всю жизнь провел в бедности и не мог полностью оплачивать свои расходы. В те времена литература была не самой доходной профессией, однако Достоевский зарабатывал достаточно и вполне мог обеспечивать свою семью, если бы лучше обходился с деньгами. Кроме того, ему до самой смерти приходилось поддерживать жадных родственников и оплачивать огромные долги.

После смерти первой жены и любимого брата Достоевский столкнулся с еще большими финансовыми трудностями. Он решил, что отныне обязан заботиться и о семье покойного брата. Именно тогда – приблизительно в 1862 году – он начал играть. В основном он играл на водах в Германии, например в Висбадене и Баден-Бадене. В это же время, в соответствии с требованиями издателя, был написан роман «Игрок».

Так вкратце выглядит история игровой зависимости Достоевского – краткий, но насыщенный период его жизни, который мы рассмотрим более подробно в нескольких последующих главах. Исследователи несколько расходятся в том, с чего все началось. Гэри Розеншильд отмечает следующее:

Привязанность Достоевского к играм, в особенности к рулетке, продлилась примерно десять лет, с 1862 по 1871 год. <Однако> Сараскина [Saraskina 2003: 389–398] доказывает, что еще в молодости, в Петербурге, Достоевский проигрывал крупные суммы денег, в том числе и из своего наследства. Но, впервые оказавшись в Европе, он познакомился с рулеткой – игрой, которая не требует мастерства и полностью зависит от случая. Так склонность превратилась в зависимость [Rosenshield 2011: 212].

В 1862 году Достоевский впервые отправился за границу и выиграл 11 тысяч франков в казино в Висбадене. Позднее, как пишет Ланц [Lantz 2004:156], он снова остановился в этом городе и выиграл почти такую же сумму. Вскоре он проиграл половину выигрыша и отправил часть того, что осталось, жене и брату. Но после того, как он встретился в Париже со своей любовницей Полиной Суловой, Достоевский вернулся в казино и проиграл все до копейки.

Ему пришлось написать близким и попросить их вернуть те деньги, которые он только что выслал, чтобы ему было на что вернуться домой в Петербург.

Как минимум один комментатор полагает, что Достоевский обратился к игре, чтобы «смягчить острое чувство вины, вызванное тем, что он бросил свою первую жену умирать и отправился к любовнице – молодой писательнице и феминистке Аполлинии Сусловой» [Carter 2006: 186]. В книге не раз еще возникнет эта тема – связь вины и игровой зависимости.

Бурные отношения Достоевского с соблазнительной Полиной продлились недолго. Эта история еще раз доказала, насколько прав был психоаналитик Жак Лакан, когда заявил, что любить – значит давать то, чего у вас нет, человеку, которого вы не знаете. Зачастую причиной подобной страсти становится не счастливая встреча двух подходящих друг другу людей, а отчаяние и потребность в эмоциональной поддержке. И можно сказать, что афоризм Лакана прекрасно описывает страсть Достоевского к играм: он был готов пожертвовать деньги, которых у него не было, колесу рулетки, о котором он ничего не знал.

Тем не менее его страсть к игре не утасла – ни после разрыва отношений с Полиной, ни даже после смерти Марии, его первой жены. Вскоре он женился на своей секретарше Анне и продолжил играть. Стивен Картер пишет:

В апреле 1867 года Достоевский уехал из России в Центральную Европу, отчасти чтобы отметить бракосочетание с Анной Григорьевной Сниткиной – молодой стенографисткой, которая осенью 1866 года помогала ему в работе над романом «Игрок». И хотя эта книга позволила Достоевскому вырваться из когтей издателя Стелловского, который иначе получил бы права на все его будущие произведения, перед молодоженами по-прежнему стояла серьезная финансовая угроза. Страх долговой тюрьмы омрачил для Достоевского его четырехлетнее пребывание в Европе. Сначала он жил в Берлине и Дрездене. Там он стал задумываться о том, что решением его финансовых проблем могла бы стать игра [Carter 2006: 185].

В мае он ненадолго съездил в Бад-Хомбург; позднее они с Анной отправились в Баден-Баден. Но эта игроманская экспедиция обернулась катастрофой. Вопреки его надеждам, жизнь следовала за искусством, и вскоре Достоевский, в точности как антигерой его романа Алексей, пал жертвой демонов игры. Везло ему мало. К концу лета он заложил многие вещи, принадлежавшие ему и Анне, и был вынужден выкупать их за счет тех средств, которые присылали из России его друзья.

Критик Брюс Уорд описывает четырехлетний период игровой зависимости, когда Достоевский жил с Анной в Европе:

Их жизнь в Европе была отмечена одиночеством и бедностью, временами отчаянной, поскольку Достоевский был игроком, но в игре ему не везло. Ситуацию усугубляли проблемы со здоровьем: как выяснилось, в европейском климате его эпилепсия усилилась. В возрасте всего нескольких месяцев умер их первенец. И, наконец, они отчаянно тосковали по дому [Ward 1998: 410].

Промежуток с 1865 по 1871 год биограф Джозеф Фрэнк называет «чудесными годами». Критик Эдвард Васиолек в своей рецензии на книгу Фрэнка вкратце объясняет, что за чудеса совершил Достоевский в этот период нищеты и изгнания:

Для Достоевского это были годы невероятного творческого подъема: именно тогда он написал такие произведения, как «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», а также «Игрок» и «Вечный муж». Практически все они были созданы за границей, куда Достоевский отправился с молодой

женой, чтобы сбежать от кредиторов и жадных родственников. Там он провел четыре года. <...> Страдая от нищеты, слабого здоровья и патологической страсти к игре, он едва выживал от гонорара до гонорара. <...> Возможно, он бы не смог [написать эти произведения], если бы не непоколебимая любовь и поддержка его жены Анны и не безграничная поддержка издателя Каткова [Wasiolek 1996: 387].

Из Дрездена они переехали в Женеву, оттуда – в Милан, потом во Флоренцию, потом снова вернулись в Дрезден. Большей частью Достоевскому не нравилось то, что он видел. Он жаловался, что «в Дрездене тихо и скучно, в Женеве холодно, во Флоренции шумно и жарко, а в Праге невероятно высокие цены» [Ward 1998: 412]. Но чаще всего он жаловался на национальный характер европейцев, с которыми сталкивался в своих путешествиях:

...французы попросту «тошнотворны»; швейцарцы – глупые и продажные жулики; разумеется, немцы и того хуже – они настолько скучны и самодовольны, что доводят его нервы «до ярости»; писательского гнева избежали только итальянцы, потому что итальянский крестьянин напоминает ему русского [Ward 1998: 413].

При этом Достоевский всегда посещал картинные галереи, как только у него появлялась такая возможность, и всю жизнь восхищался европейской литературой, философией и живописью.

С расстояния в почти две тысячи километров – именно такая дистанция разделяет Санкт-Петербург и Дрезден – Достоевскому было проще размышлять о российском обществе и культуре. В его сознании эти темы были неразрывно связаны с религиозными и политическими вопросами. Именно об этом идет речь в романе «Бесы», работа над которым началась в Дрездене незадолго до того, как Достоевский окончательно вернулся в Россию.

Географическую дистанцию дополняет хронологическая: Достоевский давно уже не был тем молодым человеком, который когда-то примкнул к кружку петрашевцев¹. Работая над новой книгой, он получил возможность пересмотреть и переосмыслить свои взгляды на политический радикализм, а также еще раз обратиться к собственному опыту участника радикалистской группы. Роман представляет собой беллетризованную версию реального политического преступления того времени – убийства студента, совершенного членами террористической ячейки анархиста Нечаева. «В “Бесах” Достоевский рассматривает революционное движение левого толка, – пишет Уорд. – Этот роман часто считают пророчеством о переходе от революции к сталинизму» [Ward 1998:414]. Тем не менее, как справедливо указывает Уорд, автор критикует любую политическую тиранию и любую революционную доктрину – как правую, так и левую.

В этой книге Достоевский вновь демонстрирует подозрительное отношение к тем, кто обещает рай на земле. В «Бесах», «Игроке» и других его романах прослеживается тоска по земной свободе и справедливости. Очевидно, он понимал, почему многие его современники отказывались верить, что за этим нужно обращаться к Богу, который остается глух и нем. И все же Достоевский опасался, что без покорности Богу немыслимо подчинение земным нормам морали.

Анна, его вторая жена, стала для Достоевского надежной опорой: она была здравомыслящей и рассудительной женщиной, преданной своему супругу. Однако она не могла приглушить его тягу к игре – а уж тем более положить ей конец. Казино в Висбадене, Баден-Бадене и

¹ Кружок петрашевцев – это дискуссионная группа прогрессивных петербургских мыслителей, организованная утопическим анархистом М. В. Петрашевским. Среди участников кружка, помимо прочих, были писатели, преподаватели и студенты, выступавшие против авторитарной власти царя и крепостного права.

Гамбурге имели над Достоевским ту же магическую власть, что игорные дома вымышленного Рулетенбурга над Алексеем, героем романа «Игрок».

Почему же игромания Достоевского началась в 1862 году именно там, в висбаденском казино? И почему он продолжал туда возвращаться снова и снова? Прежде всего, это было приятное место. Как отмечает Гарри Эйрс, казино находилось в величественном неоклассическом здании, построенном в 1820-е годы. В его интерьерах чувствовалась «роскошь без помпезности или высокомерия: люстры, деревянные панели» [Eyses 2007: 22]. Возможно, именно поэтому туда стекались мужчины и женщины всех возрастов и всех национальностей, чтобы забыть обо всем в погоне за удачей.

Игромания Достоевского началась с крупного выигрыша, так что висбаденское казино ассоциировалось у него с успехом в игре. Это неудачное стечение обстоятельств: если начинающий игрок выигрывает, то вероятность того, что он продолжит играть, повышается, а в последующем его увлечение может перерасти в зависимость. Психологи-бихевиористы называют этот принцип «прерывистым подкреплением». Случайное, непредсказуемое вознаграждение способствует закреплению поведенческих паттернов. Игроки, которым с самого начала не везет, реже возвращаются к игре и, как следствие, реже становятся игроманами.

Бреджер упоминает еще более тревожный признак: Достоевский был уверен, что разгадал тайну успешной игры. В письме своей свояченице Варваре он пишет, что этот секрет «ужасно глуп и прост и состоит в том, чтоб удерживаться поминутно, несмотря ни на какие фазисы игры, и не горячиться» [Достоевский 1972–1990, 28, II: 40; Bregier 1989: 77]. Он считает, что многому научился во время первого визита в Висбаден: прежде всего, он убедил себя, что может не только контролировать свою тягу к игре, но и увеличивать шансы на победу.

Поначалу Достоевскому удавалось сохранить хотя бы часть выигранного. Но два года спустя он возвращается в Висбаден, где проигрывает все, что у него было, и пишет письмо Тургеневу: «Пять дней как я уже в Висбадене и все проиграл, все дотла, и часы, и даже в отеле должен» [Достоевский 1972–1990, 28, II: 128].

С точки зрения когнитивной психологии именно это ошибочное убеждение – что игрок якобы может контролировать свои шансы на победу (или по меньшей мере избегать проигрыша) – занимает центральное место в формировании игровой зависимости. Сторонники психоанализа, в свою очередь, уделяют больше внимания чувству вины и стремлению к расплате. Они полагают, что игра всегда ассоциировалась у Достоевского с виной, а не с ожиданием выигрыша. Так, например, мы читаем у Картера: «Даже после брака с [Анной] Сниткиной игра позволяла ему одновременно спровоцировать и удовлетворить мощное чувство вины, игравшее столь важную роль в его произведениях этого времени» [Carter 2006: 186]. Это чувство вины в значительной степени было порождено ненавистью к отцу, которую он испытывал ранее.

И хотя Достоевский проигрывал гораздо чаще, чем выигрывал, теряя при этом значительные суммы, он все же продолжал играть на протяжении почти десяти лет. После этого он покончил с игрой. Кеннет Ланц отмечает, что «в последний раз Достоевский играл в конце их пребывания в Европе <...> весной 1871 года» [Lantz 2004: 157], и проигрыш тогда оказался особенно унижительным. Достоевский перестал играть потому, что он так решил, а не потому, что европейские казино оказались для него закрыты. Ланц подчеркивает, что в дальнейшем Достоевский никогда не садился за игорный стол [Lantz 2004: 158]. Трудно сказать, почему он принял это решение – из-за возвращения в Россию или из-за чувства ответственности за Анну и их двоих детей. Кто знает, может быть, ему даже приснился отец, предрекающий ужасное несчастье.

Достоевский умер десять лет спустя. К этому моменту он прославился, заработал достаточно денег благодаря публикации «Дневника писателя» и издательской деятельности жены и наконец выплатил все долги.

Запомним эти факты: они пригодятся нам в дальнейшем, когда мы обратимся к анализу жизни современных игроков. Многие из них в детстве и во взрослой жизни столкнулись с теми же трудностями, что и Достоевский. В заключительных главах мы продемонстрируем связь между событиями из их жизни и тем, что случилось с писателем. Однако сначала мы внимательнее присмотримся к биографии Достоевского – потому что чем глубже мы погружаемся, тем сложнее становится связь между детскими травмами, сложностями взрослой жизни и развитием игровой зависимости.

Достоевский: биография игрока

Как мы увидим, на протяжении всей своей жизни Достоевский сталкивался с множеством трудностей, вызывавших стресс: от заболеваний и психических расстройств до проблем финансового и юридического характера. Литературный труд зачастую был выматывающим и порождал сомнения в собственных силах. В попытке справиться с этими трудностями или хотя бы забыть о них Достоевский в конце концов обратился к игре. В разные периоды жизни он сталкивался с разными проблемами, поэтому каждый такой период – детство, юность, зрелые годы – необходимо проанализировать по отдельности. Только так мы сможем понять природу его игровой зависимости. Начнем с детства.

Семья и детство

Достоевский неоднократно признавался, что с любовью вспоминает детские годы, когда он жил с матерью в загородном имении. В отличие от отца, его мать была доброй, жизнерадостной и терпеливой. На ужасающие вспышки гнева, к которым был склонен ее муж, она отвечала сдержанностью и смирением. Это помогло ей сохранить хорошие отношения и с мужем, и с детьми [Lantz 2004: 106–107].

Но, несмотря на ее доброту и мягкость, детство Достоевского было далеко не идиллическим и наложило свою печать как на его дальнейшую жизнь, так и на его произведения. Мочульский пишет, что многие современники считали его «исступление и отчаянье <...> чудачеством и болезнью. Достоевский был прозван “больным, жестоким талантом” и скоро забыт» [Мочульский 1980: 7]. В следующем столетии произведения Достоевского открыли заново и по достоинству оценили его литературную, религиозную и философскую глубину.

Данная книга – это не попытка умалить достижения Достоевского, привлекая внимание читателя к его психологическим проблемам. Но поскольку мы хотим понять природу его игровой зависимости, нельзя игнорировать факторы, спровоцировавшие эти проблемы. Ланц [Lantz 2004:109] ссылается на С. Д. Яновского, с которым писатель близко дружил в 1840-е годы. По словам Яновского, Достоевский много рассказывал о своем детстве – и в особенности делился тяжелыми и несчастливыми воспоминаниями. Он неохотно говорил об отце, зато всегда с любовью вспоминал мать, сестру и брата Михаила.

Согласно Фрейду, своей игровой зависимостью Достоевский был обязан именно отцу. Кажется, Фрейд полагал, что Достоевский мечтал о смерти отца, хотя о настоящем убийстве и речи не шло. Итак, кто же этот демон, настолько поработивший психику будущего писателя?

Михаил Андреевич Достоевский, отец Федора, был врачом в Мариинской больнице для бедных. В 1828 году он получил чин коллежского асессора и, в соответствии с петровской Табелью о рангах, был причислен к мелким дворянам. Однако денег ему это не принесло. Достоевские поселились в казенной квартирке при больнице, где вели бедную, но достойную жизнь. Из развлечений у двоих старших сыновей были книги и общество друг друга. Мочульский отмечает, что Достоевские были не очень общительны, редко наносили визиты или принимали

гостей [Мочульский 1980:13]. В результате мальчики мало что знали об окружающем мире и практически не общались с ровесниками.

Чтобы соответствовать новоприобретенному социальному статусу, Михаил Достоевский часто тратил больше, чем мог себе позволить. Но у него имелись свои достоинства. В первом томе своего пятитомного издания («Достоевский: семена бунта, 1821–1849») Джозеф Фрэнк отмечает, что это был серьезный, трудолюбивый человек, ответственно подходивший к своей роли отца и мужа. Однако при этом он был суров – даже жесток – и раздражителен. Михаил Достоевский страдал от некоего расстройства (возможно, это была легкая форма эпилепсии), которое выражалось в частых приступах депрессии и нервного напряжения.

Он быстро приходил в ярость, был мрачен и подозрителен. Иногда он даже обвинял свою преданную жену Марию Федоровну Достоевскую (в девичестве Нечаеву) в неверности [Frank 1979: 19; Lantz 2004: 106–107].

Нервное расстройство доктора отрицательно сказалось на его отношениях с детьми. В доме царила напряженная атмосфера. Именно он, по словам Мочульского, стал прототипом ненавистного отца в романе «Братья Карамазовы». С другой стороны, Ланц в личной беседе предположил, что это не так. Федор Карамазов обладает многими недостатками, которых у отца Достоевского не было. В то же время у Карамазова имелось чувство юмора, пусть и извращенное, а отец Достоевского был его полностью лишен. И хотя отношения между отцом и сыном никогда не были близкими и теплыми, очевидно, что Достоевский понимал, на какие жертвы его отец пошел ради детей – жертвы, на которые Федор Карамазов никогда бы не согласился.

И все же в произведениях Достоевского можно проследить элементы его реальных отношений с отцом. Так, Фрейд полагал, что Достоевский «убил» отца-тирана в «Братьях Карамазовых», чтобы сублимировать враждебные (или в лучшем случае крайне амбивалентные) чувства по отношению к собственному отцу. Критик Анна Берман отмечает, что в книгах Достоевского часто возникают персонажи – плохие отцы [Berman 2009: 263].

Кейт Холланд полагает, что это прямая отсылка к роману Тургенева «Отцы и дети» и к тем дискуссиям, которые разгорелись вокруг него в 1860-е годы (2012, личная беседа). Таким образом, возможно, что Достоевский вслед за Тургеневым говорит о конфликте поколений – о символических отцах и детях, а не о собственных отношениях с отцом. Берман отмечает, что «для Достоевского крушение семьи – это признак общего социального вырождения» [Berman 2009: 263]. Она цитирует Уильяма Лезербарроу: «Отношения в семье Карамазовых нагружены символизмом, задача которого – показать разрыв в передаче ценностей и взаимную ответственность поколений».

Биограф Мочульский пишет: «Столкновения с отцом, страх перед ним и скрытое недоброжелательство рано развили в ребенке замкнутость и неискренность» [Мочульский 1980:10]. Это отношение разделяли все братья и сестры Федора, потому что отец вел себя как восточный тиран. Его вспышки ярости заставляли детей каменеть от страха, отмечает Мочульский. Когда он присутствовал на уроках, они стояли «как истуканчики». Когда же доктор после завтрака уходил подремать, им полагалось отгонять от него мух.

Чтобы умиротворить его раздражительный и требовательный характер, Достоевский выбирает для своих писем из школы тон «слащавой восторженности», который некоторые считают знаком искренней нежности. Мочульский комментирует: «Чтобы растрогать крутого старика, юноша искусно играет на его слабых струнах» [Мочульский 1980:10]. Так, например, в одном из писем Достоевский униженно умоляет отца выслать ему денег на книги и сундук, чтобы было в чем хранить свои жалкие школьные пожитки. Даже учитывая специфику той культуры и той эпохи, это письмо выглядит до абсурдного самоуничижительным. Достоевский был эмоциональным подростком с развитым воображением; эти качества ясно проявляются в его письмах брату Михаилу, написанных в то же самое время. Должно быть, ему было нелегко

изображать перед отцом подобную покорность. Но мы никогда не сможем понять, как же на самом деле относились друг к другу Достоевский и его отец. Однозначно по письмам не складывается впечатления настоящей близости, как с братом или позднее с женой Анной.

Как бы то ни было, Достоевский тяжело пережил известие о смерти отца. Изначально утверждалось, что он был убит (точнее, задушен) местными крестьянами. Вероятнее всего, крестьяне не имели к его смерти никакого отношения, но все же так его ненавидели, что, по мнению комментаторов того времени, в теорию об убийстве поверить было несложно. Однако у Мочульского мы читаем: «В переписке Достоевского мы не найдем ни одного упоминания о трагической смерти отца. В этом упорном молчании в течение всей жизни есть что-то страшное» [Мочульский 1980: 11]. Пытаясь найти объяснение, Мочульский утверждает, что Достоевский был глубоко травмирован ужасающей гибелью отца. Самое меньшее, он чувствовал вину за то, что недостаточно его любил и время от времени позволял себе жаловаться.

Как же Достоевский относился к отцу? Увы, у нас нет данных, позволяющих однозначно ответить на этот вопрос. У Мочульского мы читаем: «...дочь писателя, Любовь Федоровна, пишет в своих воспоминаниях: “Мне всегда казалось, что Достоевский, создавая тип старика Карамазова, думал о своем отце”» [Мочульский 1967: 12]. С другой стороны, учитывая нежелание Достоевского говорить о личном и о чувствах к отцу, мы не можем полностью доверять свидетельству его дочери. Не будем забывать, что он умер, когда ей было всего 12 лет, так что вряд ли он когда-либо делился с ней переживаниями на этот счет.

Скорее всего, Достоевский и его братья и сестры понимали, что в суровости отца скрывалась забота об их благополучии. Он действительно часто выходил из себя и сурово отчитывал их за неподобающее поведение или ошибки на уроках, однако делал это ради их же блага. Кроме того, он постоянно напоминал им, что не сможет вечно их содержать. Поэтому настойчиво – возможно, слишком настойчиво – подталкивал детей к выбору хорошо оплачиваемых профессий, вне зависимости от того, нравились они им или нет. Пользуясь современными терминами, можно сказать, что отец Достоевского выбрал «тигриный» способ воспитания: заставлял детей добиваться большего и наказывал, если они не оправдывали его ожиданий.

Итак, в детстве Федор Достоевский наверняка понимал, что отец, каким бы резким и строгим он ни был, прежде всего заботился об интересах детей (как он представлял себе эти интересы). И все же, возможно, ему не хватало теплоты и любви. При этом в семейной атмосфере ему мерещились лицемерие и хаотичность. Мочульский пишет, что под гнетом строгих правил, царивших у них дома, у юного Федора выработалось чувство одиночества, неуверенность в себе и чутье на лицемерие [Мочульский 1967: 12]. В итоге он видел детство как опасное время, полное неустроенности, – и виной тому зачастую оказываются отцы. Эти наблюдения отражены в тексте его автобиографического романа «Подросток».

Мочульский завершает этот параграф фразой, от которой мурашки идут по коже: «Семья штаб-лекаря Достоевского, захудалого дворянина и мелкого помещика, вполне подходит под формулу “случайное семейство”» [Мочульский 1967: 12]. Отец писателя установил для своих детей невероятно высокую планку, но сам оказался всего лишь напыщенным ничтожеством.

Однако исследовательница Достоевского Кейт Холланд ставит эту точку зрения под вопрос. Она сомневается, стоит ли доверять работе Мочульского: «Тщательно проработав текст “Подростка”, я должна сказать, что не вижу в нем ничего автобиографического. Достоевский часто пишет о семье на символическом уровне» (2012, личная беседа).

Возможно, отец Достоевского действительно был тираном, унижавшим детей, как предполагает Мочульский, но можно ли его обвинить в физическом насилии? Несмотря на его вспыльчивость и раздражительность, у нас нет однозначных свидетельств, что М. А. Достоевский избивал Федора или кого-то из его братьев и сестер, хотя некоторые исследователи отвечают на этот вопрос положительно. В те времена телесные наказания считались приемлемыми – и, возможно, именно поэтому он забрал детей из государственных школ и отправил в частный

пансион. Так он мог быть уверен, что их не бьют. Однако с той же долей вероятности можно сказать, что Достоевский-старший выбрал частные пансионы, чтобы у детей было больше шансов добиться успеха в учебе и будущей карьере.

Достоевскому было тринадцать, когда отец отдал его учиться в пансион. Было решено, что Федор и его старший брат Михаил станут военными инженерами. Так что, как только они закончили базовый курс, отец отправил их в престижное Главное инженерное училище. Ни один из братьев не хотел для себя такой карьеры. Оба страстно любили книги, а Федор уже интересовался литературным трудом. В нем назревала обида на отца, толкавшего его к нежеланной профессии.

Общение с матерью позволяло ненадолго забыть о тяготах учебы и тяжелом характере отца. В отличие от своего сурового, временами даже жестокого мужа, М. Ф. Достоевская окружала детей теплом и любовью. Каждый год на протяжении четырех лет Федор и его брат Михаил проводили четыре месяца с матерью в маленьком имении Даровое, которое отец приобрел как знак своего дворянского статуса. Для юного Федора это были самые счастливые дни. Вдали от вечно недовольного отца, стремящегося все контролировать, он в полной мере наслаждался нежностью и заботой матери.

К сожалению, в шестнадцать лет он лишился ее поддержки. Осенью 1836 года у Марии Федоровны обнаружили туберкулез, а в феврале 1837 года она скончалась. После ее смерти М. А. Достоевский уволился из больницы и окончательно перебрался в Даровое. Потеря жены в достаточно молодом возрасте (сорок шесть или сорок семь лет) и резкая смена обстановки отрицательно сказались на его психическом здоровье: после смерти Марии оно начало быстро ухудшаться.

Как пишет Ланц, доктор Достоевский начал пить, и это быстро привело к эмоциональному и моральному выгоранию [Lantz 2004: 109]. Кроме того, он оборвал все социальные связи: вся его жизнь протекала в стенах крошечного трехкомнатного флигеля. Позднее брат Федора Андрей писал, что, по словам Алены Фроловны (няни детей), доктор «даже доходил до того, что вслух разговаривал, предполагая, что говорит с покойной женой, и отвечая себе ее обычными словами!.. От такого состояния, в особенности в уединении, не далеко и до сумасшествия!» [Достоевский А. 1990: 118].

Возможно, Федор не вполне отдавал себе отчет в том, что происходило с отцом, потому что к тому моменту он уже начал курс в Инженерном училище. Он находился там с 1838 по 1842 год и позднее говорил, что это было самое одинокое время в его жизни. Строгие правила, теснота, казарменный распорядок жизни – все это было ему ненавистно [Lantz 2004]. Большинство учащихся были немцами и поляками. У Достоевского не было с ними общих интересов, так что большую часть свободного времени он проводил в одиночестве за чтением. Кроме того, многие одноклассники происходили из обеспеченных семей, и разница в общественном положении только усугубила его отчужденность.

В те одинокие годы, проведенные в Инженерном училище, желание Достоевского стать писателем продолжало расти. Вместе с тем усиливалось и негодование на отца – ведь именно его воля удерживала сына от того, чтобы писать. Достоевский прилежно изучал положенный курс и получал высокие отметки даже по тем предметам, которые представлялись ему скучными. Однако когда в первый год он получил плохую оценку по «фронту», отец выразил недовольство его успехами [Frank 1979].

Достоевский, как всегда, чувствовал себя виноватым в его разочаровании. Он писал об этом: «...я бы не жалел, ежели бы слезы бедного отца не жгли души моей» [Достоевский 1972–1990, 28,1: 53]. Но даже чувство вины не могло заставить его сфокусироваться на учебе. В итоге отсутствие интереса к военным наукам заставило его сойти с пути, выбранного отцом.

Детские травмы

В 1839 году, когда Достоевский получил известие о смерти отца, он все еще учился в Главном инженерном училище. В школьные годы единственным средством общения между отцом и сыном была переписка, причем письма сына большей частью состояли из просьб выслать денег. Достоевский не хотел отставать от одноклассников, происходивших из более обеспеченных семей, и это значит, что ему требовались деньги в дополнение к тем суммам, которые он регулярно получал от семьи [Frank 1979].

И все же их отношения не сводились только к деньгам. Ланц отмечает, что Достоевский действительно часто просил у отца денег, но в то же время они общались и на другие темы – например, обсуждали учебу и одноклассников (2012, личная беседа). Письма выдержаны в формальном и уважительном тоне, в них мало тепла. Но все-таки речь шла не только о деньгах. И, несмотря на стесненное финансовое положение, отец всегда высылал Федору деньги, которые тот просил. В последнем сохранившемся письме М. А. Достоевский объясняет сыну, что дела в Даровом идут очень плохо и что семья столкнулась с большими трудностями. Биограф Джозеф Фрэнк полагает, что Достоевский получил это письмо примерно в то же время, когда узнал о смерти отца.

Сам Достоевский всем рассказывал, что отец объезжал имение и на него набросились крестьяне. В некоторых версиях этой истории говорится, что он захлебнулся водкой, которую они пытались насильно залить ему в горло. Насколько нам известно, было проведено три отдельных расследования. Сейчас ученые соглашаются с выводами медицинской экспертизы, утверждавшей, что доктор умер от апоплексического удара.

Как отмечает Ланц, «немало написано об этом происшествии и о том влиянии, которое оно оказало на Достоевского, но выяснить подлинную правду попросту невозможно» [Lantz 2004:109]. Раньше некоторые утверждали, что новость о смерти отца вызвала у Федора первый эпилептический припадок, как сообщает в своей книге дочь писателя Л. Ф. Достоевская, однако надежность этого источника ставится под сомнение. Сегодня мало кто верит в эту историю. Вместе с тем смерть отца наверняка глубоко повлияла на Достоевского.

Вероятно, ему было особенно тяжело узнать о случившемся, учитывая, что раньше он постоянно требовал денег, хотя и знал о тяжелом финансовом положении семьи. С точки зрения Фрэнка, Достоевский наверняка опасался, что отец каким-то образом спровоцировал нападение крестьян. Возможно, Федор решил, что из-за его постоянных просьб отец стал жестоко обращаться с крестьянами или заставлял их слишком много работать. Таким образом, он мог испытывать личную вину за предполагаемое убийство отца.

С другой стороны, он мог чувствовать вину за то, что ему не удалось преуспеть в выбранной отцом карьере. В августе 1839 года Достоевский пишет письмо брату Михаилу, где выражает горе из-за смерти отца и беспокоится о благополучии младших братьев и сестер. Но несмотря на чувство вины, он больше не считал себя обязанным исполнять желания отца. Он пишет брату, что освободился от сыновнего долга и может посвятить себя литературе [Достоевский 1972–1990, 28, I: 63]. Мы видим, что смерть отца отозвалась в нем конфликтом чувств: с одной стороны, скорбь и вина, с другой – свобода добиваться собственных целей.

Отец Достоевского – и при жизни, и после смерти – был источником тяжелых воспоминаний. Однако будущий писатель в детстве столкнулся и с другими травматичными ситуациями. Так, его девятилетнюю подругу жестоко изнасиловал пьяный незнакомец. Достоевский побежал за отцом, но тот пришел слишком поздно, и девочка скончалась [Lantz 2004]. Позднее Достоевский признавался, что память об этой трагедии преследовала его всю жизнь.

Еще одно травмирующее событие предположительно случилось, когда ему было шесть лет. (Не вполне ясно, действительно ли оно имело место, потому что Достоевский упоминает

эту историю только в «Дневнике писателя», который является скорее художественным произведением, чем дневником в привычном смысле этого слова.) Когда маленький Федя играл в лесу возле Дарового, у него случилась слуховая галлюцинация. Он бросился за помощью к крепостному по имени Марей, который его успокоил, – и для Достоевского это стало доказательством, что у русских крестьян от природы доброе сердце. Возможно, чувство страха и облегчения сыграло свою роль в формировании националистических взглядов, сложившихся у него во взрослой жизни (мы вкратце затронем эту тему).

Что же Достоевский вынес из детства? Судя по сохранившимся письмам, прежде всего это любовь к чтению и близкая дружба с братом Михаилом. Братья постоянно обсуждали прочитанные книги и события из своей жизни. Неудивительно, что смерть Михаила стала для Достоевского тяжелым ударом, ведь их отношения были дороги ему и в интеллектуальном, и в эмоциональном плане. Можно предположить, что именно в детстве, под влиянием авторитарного отца, у Достоевского стало складываться определенное отношение к властям. Однако здесь мы вынуждены полагаться на его художественные произведения, потому что в сохранившихся письмах он ни разу не говорит о своем отце. Не сохранилось упоминаний, чтобы эта тема всплывала в разговорах. Если уж на то пошло, он также не упоминал о матери и других братьях и сестрах.

Но, как мы вскоре увидим, кое-чему он в детстве так и не научился: избегать проблем, заботиться о здоровье и справляться со сложностями личного и финансового характера.

Стрессовые ситуации во взрослой жизни

На протяжении всей своей взрослой жизни Достоевский сталкивался с невероятными трудностями в сфере здоровья, финансов и личных отношений. Рассмотрим их по порядку.

Физическое и психическое здоровье

Хорошо известно, что у Достоевского случались тяжелые эпилептические припадки. Нет точных данных, в каком возрасте это началось. В некоторых источниках говорится, что первый припадок случился, когда ему было всего девять лет, однако единственным подтверждением этой теории служит упоминание слуховой галлюцинации. Первый задокументированный приступ произошел в 1846 году, когда Достоевскому было двадцать пять. С тех пор приступы случались регулярно, и со временем ему становилось все хуже.

Помимо эпилепсии, Достоевский страдал и от других болезней. Его друг А. Е. Ризенкампф, студент-медик, с которым Достоевский в 1843 году снимал квартиру, упоминает его «землистый» цвет лица, хронический кашель, охриплость, повышенную возбудимость и частую бессонницу. Кроме того, Достоевского мучил страх, что он заснет слишком крепко и его примут за покойника. Однако Ризенкампф отмечает, что, несмотря на все проблемы со здоровьем, Достоевский отказывался принимать лекарства, неохотно обращался за медицинской помощью и не бросал курить, хотя табак вредил его самочувствию [Ризенкампф 1990: 177,183–184,186].

Из письма брату Михаилу очевидно, что Достоевский страдал от выраженной тревожности. По его собственным словам, он находился «при смерти» от «раздражения всей нервной системы» и «прилива крови в сердце» [Достоевский 1972–1990, 28,1: 121]. В августе 1849 года он снова пишет Михаилу, еще подробнее описывая свои недомогания, многие из которых связаны с тревожностью и нервным истощением. Он говорит, что живет на касторовом масле, страдает от геморроя и болей в груди. Кроме того, ему снятся «безобразные» сны. Но тяжелее всего, что он больше не может использовать «нервное время» для творчества, хотя раньше у

него это получалось. Достоевскому приходится взять паузу в литературном труде, и поэтому он, возможно, чувствует себя еще хуже [Достоевский 1972–1990, 28,1: 159].

Тяжелые жизненные ситуации негативно сказывались на его здоровье. Так, после насмешек писателей из кружка Белинского² – которых он считал своими друзьями – Достоевский стал еще более тревожным, несмотря на растущую литературную славу. Он жаловался доктору С. Д. Яновскому на перебои в работе сердца, высокое давление и нервную возбудимость. Вскоре после посещения Яновского у него начались приступы головокружения и обмороки, часто сопровождаемые галлюцинациями. Яновский заподозрил, что все эти симптомы были проявлениями эпилепсии.

В 1847 году его подозрение подтвердилось: у Достоевского случился острый припадок. Тем не менее официальный диагноз был поставлен только в 1857 году, и писатель воспринял его с некоторым облегчением. Все это время он боялся, что медленно сходит с ума, и этот страх стал дополнительным фактором стресса, ухудшавшим его самочувствие [Lantz 2004]. Эпилепсия для Достоевского была меньшим из двух зол.

Возможно, его проблемы со здоровьем были в той или иной степени спровоцированы образом жизни. Как уже упоминалось, Достоевский много курил. Работая над крупными литературными проектами, он часто отказывался от сна. Например, в 1865 году, в бытность редактором журнала «Эпоха», Достоевский писал другу: «Я стал печатать разом в трех типографиях, не жалел денег, не жалел здоровья и сил <...> просиживал до шести часов утра и спал по 5 часов в сутки» [Достоевский 1972–1990, 28, II: 118]. Одновременно с выполнением редакторских обязанностей Достоевский вел журнал, писал полемические статьи и работал над рассказом «Крокодил». Эта нагрузка, надо полагать, отрицательно сказывалась на его здоровье.

В последние пять лет его жизни частота и интенсивность припадков снизились, однако к эпилепсии постепенно добавились и другие заболевания. Достоевский стал жаловаться на легкое, и в конце концов ему диагностировали эмфизему – результат многолетнего курения. Он умер от легочного кровотечения, после того как попытался сдвинуть с места тяжелый книжный шкаф у себя в кабинете. Возможно, причиной кровотечения был туберкулез [Lantz 2004].

Помимо различных физических недугов, во взрослом возрасте Достоевский столкнулся и с психическими расстройствами. Как пишут его биографы, он был подвержен депрессии и часто думал о самоубийстве. Обычно такие мысли возникали как реакция на публичную критику его литературных трудов. Когда его книги пользовались успехом, Достоевский был счастлив и уверен в себе, но если очередное произведение получало холодный прием, он погружался в многомесячную депрессию.

Многочисленные проблемы с физическим и психическим здоровьем одновременно являлись последствием стресса и еще больше его усугубляли. Однако этим неприятности в жизни Достоевского не исчерпывались. Еще одним источником стресса были отношения с законом.

Проблемы с законом

В 1848 году молодой Достоевский был объявлен политическим заговорщиком и арестован за участие в кружке, где обсуждались радикальные политические идеи. Другой участник кружка Петрашевского, некий Н. А. Спешнев, убедил Достоевского войти в более узкую и более радикально настроенную группу, у которой имелся собственный печатный пресс [Lantz

² В. Г. Белинский (1811–1848) был авторитетным литературным критиком и редактором двух крупнейших литературных журналов того времени. В плане идеологии Белинский поддерживал основные ценности западного либерализма и индивидуализма, критиковал царизм и крепостное право, а также выступал против нищеты, проституции, пьянства и жестокого обращения с женщинами. На протяжении своей недолгой жизни Белинский – самый влиятельный критик и идеолог на либеральных позициях – поддерживал литературу, направленную на борьбу с социальными проблемами. Он высоко отзывался о первом романе Достоевского («Бедные люди»), однако вскоре после этого Достоевский прекратил общение с Белинским.

2004]. Достоевский описывал группу Спешнева как «особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов» [Майков 1990: 256]. Естественно, конечной целью группы было свержение существующего режима [Lantz 2004: 409] – то есть переход к делу, а не занятие исключительно разговорами, как это было в кружке Петрашевского.

Участие в заговоре было не только психологически выматывающим, но и крайне опасным. Но даже если бы Достоевский и захотел его покинуть, это оказалось бы не так-то просто. Вечно в долгах, он занял у Спешнева пятьсот рублей и тем самым оказался в финансовой зависимости. В жизни Достоевского эта проблема возникала снова и снова. Кроме того, Спешнев обладал яркой, практически демонической харизмой – возможно, именно он стал прототипом Николая Ставрогина в романе «Бесы».

Какое-то время группа находилась под наблюдением. В 1849 году в нее был внедрен тайный агент, и далее последовали аресты [Lantz 2004]. Достоевского обвинили в чтении запрещенного письма Белинского к Гоголю, в котором критик выступал против дворянского деспотизма и крепостного права. (Фактически это статья, оформленная в виде письма; Белинский выступает против Гоголя, защищавшего авторитарный режим Николая I.) Кроме того, его обвинили в том, что он не донес о существовании другой подрывной статьи, написанной членом кружка [Lantz 2004: 312]. За эти преступления Достоевский и другие участники группы были приговорены к смертной казни. К царю обратились с прошением, и он, в конце концов, согласился смягчить приговор, однако ни члены кружка, ни представители власти ничего об этом не знали.

Достоевский выслушал свой смертный приговор, когда его и других членов кружка вывели на Семеновский плац и перед ними выстроился расстрельный взвод. На протяжении нескольких минут, которые показались ему очень долгими, он наблюдал, как ведется подготовка к казни первых трех заключенных, и был уверен, что его ждет неминуемая смерть. Но в последний момент церемония казни оказалась внезапно прервана [Frank 1987].

22 декабря 1849 года Достоевский был приговорен к ссылке в Сибирь, где его ожидали четыре года каторги и военная служба на неопределенный срок. Пять лет спустя его комиссовали из армии по состоянию здоровья (из-за эпилепсии). Часть времени, проведенного в Сибири, он был закован в кандалы, и у него нередко случались эпилептические припадки. Ссылка в Сибирь была наказанием за «преступное намерение свергнуть существовавший в России государственный порядок» [Lantz 2004: 310]. С 23 апреля по 23 декабря Достоевский находился в одиночной камере Петропавловской крепости – секретной тюрьмы, предназначенной для содержания самых опасных преступников. Любые посещения были запрещены; в его камеру разрешалось заходить только главе тайной полиции и коменданту крепости.

Как вспоминали другие члены кружка, в одиночном заключении их эмоциональная энергия быстро пришла в упадок – из-за отсутствия внешних стимулов они оказались один на один со своими мыслями. Сам Достоевский не оставил подробного описания своих чувств во время заключения, однако в письмах, адресованных Михаилу и Андрею, он жаловался на проблемы с желудком, геморрой, расстройство нервов и «болезненные сновидения» [Достоевский 1972–1990, 28,1: 157].

После этого краткого заключения Достоевский был приговорен к ссылке в Сибирь. В январе 1850 года он прибыл в Омский острог, где ему предстояло прожить четыре года в тесных промерзающих бараках. Достоевский таскал кирпичи, разгружал телеги, толоч алебастр. Все это время ему было запрещено читать и писать. Единственной книгой, разрешенной в стенах острога, был Новый Завет. Однако главный лекарь Омского военного госпиталя И. И. Троицкий снабжал Достоевского книгами, чернилами и бумагой, а также помогал прятать его дневник. Таким образом, Троицкий нарушал тюремные правила, чтобы Достоевский продолжал работать, и защищал его от наказания.

Несомненно, стресс от участия в радикальном политическом движении ухудшил психологическое состояние Достоевского. Ему пришлось заниматься конспирацией, ожидать казни, переносить тяготы тюремной жизни. И хотя никаких свидетельств не сохранилось, мы предполагаем, что на каторге Достоевский мог участвовать в играх – как позднее он участвовал в них, будучи солдатом.

Напряженная личная жизнь

Даже в личной жизни Достоевский не находил утешения. Не будем забывать, что в детстве его опыт социального взаимодействия был крайне ограничен и у него было мало возможностей вести независимую социальную жизнь. Его родители, каждый по-своему, избегали общества. До брака с Анной Сниткиной главным человеком в жизни Достоевского был его брат Михаил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.